УДК 327

Жак САПИР

ДЕБАТЫ ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ БЮДЖЕТУ И ВОПРОС СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В статье проанализирована ситуация вокруг кризиса, возникшего между Италией и Европейской комиссией по вопросу проекта итальянского бюджета. За разрешённым уровнем дефицита стоит не только вопрос обоснованности решения Италии, но также и вопрос, остаётся ли Италия суверенной нацией. Это объясняет тот факт, что поддержку итальянскому правительству выразили все партии, для которых суверенитет является одной из основ политики, и в частности партия France Insoumise (“Непокорённая Франция”). Таким образом, вопрос суверенитета является центральным в этом конфликте. В настоящее время стремление народов к суверенитету проявляется во многих странах и выражается в различных формах. Тем не менее, этот суверенитет подвергается сомнению институтами Европейского Союза. Тема суверенитета логически подводит к вопросу о демократии, а также к соотношению между легальностью и легитимностью. В статье сделан вывод, что разрешение проблемы суверенитета имеет фундаментальное значение для будущего наших обществ.

Ключевые слова: Италия, бюджет, фискальная политика, Сальвини, популизм, суверенитет.

На первый взгляд, текущий кризис, возникший между Италией и Европейской Комиссией по вопросу проекта итальянского бюджета после его публикации [Ministero dell’Economia e delle Finanze], касается цифр и процентов [New Europe]. На самом же деле, основной вопрос состоит в том, чтобы определить, кто имеет право придавать законную силу итальянскому бюджету: правительство, сформированное в результате демократических выборов, или Еврокомиссия и её различные структуры, считающие возможным устанавливать правила, происходящие из существующих договоров. На сегодняшний день это фундаментальный вопрос: править от имени народа или от имени правил. Вопрос неоднозначный. Кто обладает властью управлять: законодатель, легитимность которого вытекает из демократического суверенитета, или судья, который правит во имя закона?

© *Сапир Жак* – научный сотрудник Высшей школы социальных наук EHESS, Париж. Директор Центра исследований индустриализации (CEMI). Иностраный член Российской академии наук. **Адрес:** 54 Bd Raspail, 75006 Paris, France.

E-mail: sapir@msh-paris.fr

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120196069>

За разрешённым уровнем дефицита стоит не только вопрос обоснованности решения Италии¹, но также и вопрос понимания, остаётся ли ещё Италия суверенной нацией. Это объясняет тот факт, что поддержку итальянскому правительству выразили все партии, для которых суверенитет является одной из основ политики, в частности партия *France Insoumise* (“Непокорённая Франция”) [Valeurs Actuelles, 2018]. Таким образом, вопрос суверенитета является центральным в этом конфликте. В настоящее время стремление народов к суверенитету проявляется во многих странах и выражается в различных формах. Тем не менее, этот суверенитет подвергается сомнению институтами Европейского Союза, о чём свидетельствуют заявления, сделанные Жан-Клодом Юнкером во время выборов в Греции в январе 2015 г.²

Фундаментальные принципы суверенитета

Конфликт между суверенитетом наций и, следовательно, народов и логикой *governance* Европейского Союза не нов.

Действия Европейского союза и институтов Еврозоны оспаривают в основном именно эти гарантии демократии и свободы, то есть суверенитет [Evans-Pritchard, 2015]. Если наши решения, решения граждан будут с самого начала ограничены высшей властью, для чего вообще нужны общее дело и общие интересы? И если у граждан нет необходимости иметь общее дело, объединяться вокруг того, что является *Res publica* (государство) – понятие столь близкое сердцу древних римлян [Moatti, 2018], что сможет воспрепятствовать подъёму коммунитаризма и аномии, которые разрушат наше общество?

Поддержание этого перехода от индивидуального к коллективному является на самом деле настоящей необходимостью перед лицом всех тех экономических, социальных, политических и культурных кризисов, которые мы проходим. Демократия при осуществлении выбора подразумевает, что принимаемые решения не могут *a priori* ограничиваться правилами или договорами. Еврокомиссия регулярно напоминает, что были подписаны Маастрихтский и Лиссабонский договоры. Следует помнить, что ни одно поколение не имеет права связывать последующие поколения своим выбором, как писал один из отцов американской конституции [Jefferson, 1832].

Однако суверенитет важен также и для того, чтобы различать, что справедливо и что легально, между *легитимностью* и *легальностью*, как показывает Карл Шмитт в своей работе 1932 г. [Schmitt, 2004]. В сущности, быть суверенными озна-

¹ См. статью А. Моды, бывшего заместителя директора Исследовательского департамента МВФ. Bloomberg. Italy's Budget Isn't as Crazy as It Seems. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-10-26/italy-s-budget-isn-t-as-crazy-as-it-seems>.

² См.: Mevel J.J. Jean-Claude Juncker : “La Grèce doit respecter l'Europe” / Le Figaro. 28.01.2015. URL : <http://www.lefigaro.fr/international/2015/01/28/01003-20150128ARTFIG00490-jean-claude-juncker-la-grece-doit-respecter-l-europe.php>. Его заявления были широко подхвачены еженедельником Politis: Soudais M. Juncker dit “non” à la Grèce et menace la France // Politis. 29.01.2015. URL : <https://www.politis.fr/articles/2015/01/juncker-dit-non-a-la-grece-et-menace-la-france-29890>.

чает обладать способностью решать [Schmitt, 2004]. Карл Шмитт выразил это в формуле: “Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении” [Schmitt, 1988]. Поскольку принуждение, присущее любому юридическому акту, не может быть оправдано исключительно с точки зрения *легальности*, которая по определению всегда формальна. Верховенство, которому правовой позитивизм¹ предполагает придать *легальности*, на самом деле ведёт к тоталитарной системе, невосприимчивой к любой возможности оспаривания. В историческом плане такая система позволяла оправдывать незаконные режимы, такие как апартеид в Южной Африке, как показал Дэвид Дайзенхаус [Dyzenhaus, 1991]. Но в нынешнем мире такой правовой позитивизм имеет решающее преимущество. Именно он позволяет “либеральному” политику, а не макиавеллиевскому Государю с запятнанными руками, отстаивать подлинную чистоту, как хорошо показал Ричард Беллами [Bellamy, 2010].

Суверенитет и демократия

Вопрос суверенитета является фундаментальным. Это тот суверенитет, который обеспечивает свободу политической общности, того, что называется народом, то есть совокупности граждан, тех индивидов, которые наполняют в политические институты. Это та связь, которую мы унаследовали у древних римлян [Moatti, 2018]. Таким образом, понятие “народ” является в основном политическим, а не этническим и, естественно, распространяется на культуру, происходящую из институтов². Следовательно, необходимо понять, что составляет “народ”. Когда мы говорим о “народе”, мы не подразумеваем этническую или религиозную общность, но политическую общность объединённых индивидов, берущих в свои руки собственное будущее³, по крайней мере, при возникновении Республики.

В этом случае эта политическая свобода происходит из свободы территориальной совокупности, в которой проживает данный народ, и свободы его управления. Невозможно подразумевать “народ”, не подразумевая одновременно “нацию”. “Нация” в своё время пришла на смену древним “гражданским общинам”. Многие объясняют цитата Цицерона: “всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей (...), всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом” [Cicéron, 1980]. Важно в этой цитате то, каким образом Цицерон иерархически классифицирует переход от “объединения многих людей” к народу, имеющему общие интересы, а затем представляет гражданскую общину, которую он воспринимает как совокупность институтов, а не как место обитания (гражданская община – это не

¹ Его выдающимся представителем был Ганс Кельзен (Kelsen, H. (1996) *Théorie générale des normes*, PUF, Paris).

² Это то, что я подчёркивал в книге: Sapir J. (2016) *Souveraineté, Démocratie, Laïcité*. Michalon, Paris.

³ Отметим здесь большое влияние Лукача Дьёрдя: Lukacs G. (1960) *Histoire et conscience de classe. Essai de dialectique marxiste (1919-1922)*, Les Éditions de Minuit, Paris.

oppidum, не город-крепость), как организационную схему этого “народа”. Таким образом, понятие суверенитета не только фундаментально, но и имеет центральное значение для существования государства (*Res Publica*). Упомянутое “народное достояние”, имеющее решающее значение в политическом представлении древних римлян, может быть достигнуто исключительно через правовое равенство граждан. Правовое равенство, которое гарантирует (или должно гарантировать) гражданам равное право на политическое участие, в жизни “гражданской общины” [Pani, 1997].

Президент Эммануэль Макрон, судя по всему, этого не понял. В самом деле, он настойчиво продолжает говорить о “европейском суверенитете” [Brustier; François, 2018]. Но где же этот европейский народ? Где общая политическая культура, плод аккумуляции столетней борьбы, компромиссов, институтов? Мы должны помнить, что суверенитет заключает в себе понятие “народ”, но не существует европейского народа, как было установлено Конституционным судом в Карлсруэ. Решение суда от 30 июня 2009 г. со всей определённости постановляет, что при наличии пределов демократического процесса в Европе только государства-нации являются хранителями демократической легитимности¹. Сказать, что они являются его хранителями, ни в коей мере не противоречит понятию суверенитета народа. Так, в Древнем Риме император являлся уполномоченным суверенитетом народа, но при этом не упразднял и не подменял этот суверенитет [Moatti, 2018]. Римских императоров часто представляют всемогущими суверенами, вместе с тем забывая, откуда происходит их суверенитет. По закону об инвеституре императора Веспасиана (69–79 н.э.), *Lex de Empire Vespasiani*, ратификация законодательных актов императора до его формальной инвеституры считалась “как если бы всё это делалось во имя народа” [Bretone, 2016]. Это воспринимается в том смысле, что начало суверенитета содержится в народе, хотя сам народ и делегировал исполнение суверенитета императору. Концепция “суверенитета народа”, которую некоторые считают “изобретением” французской революции, существовала уже в Древнем Риме и состояла в контроле народа над магистратами [Wiseman, 2010]. Следовательно, в реальности существовал процесс, устанавливающий верховенство “народа”.

Свобода “народа” в контексте “нации” и называется суверенитетом. Таким образом, нация – это рамки, в которых организуется политическое тело, то есть народ. Суверенитет – это способность решать. Вот почему суверенитет обязателен для существования демократии. Это её необходимое условие, хотя и недостаточное. Суверенитет един и неделим, но формы его применения могут быть многочисленными. Значит, говорить о “левом” или “правом” суверенитете бессмысленно. В истории существовали конечно же суверенные нации, народы которых не были свободны. Но никогда не было свободного народа в порабощённой нации. Формирование государства как начала, не зависящего от характеристик государя, происходило в двух направлениях: формирования нации как политического образования и

¹ См.: Rapport sur l'arrêt rendu le 30 juin 2009 par la Cour constitutionnelle fédérale d'Allemagne (Cour de Karlsruhe) au sujet de la loi d'approbation du traité de Lisbonne. Rapport d'information de M. Hubert HAENEL, fait au nom de la commission des affaires européennes. № 119 (2009-2010) . 26.11.2009 / Senat. URL: <https://www.senat.fr/notice-rapport/2009/r09-119-notice.html>.

народа как коллективного актора. Формы, принимаемые таким образованием, могут меняться в зависимости от исторических и культурных факторов, но всегда имеют одно неизменное двойное направление создания как Нации, так и Народа. И именно поэтому суверенитет стал фундаментальной и решающей концепцией в текущих политических баталиях. Защита суверенитета какой-либо страны (вчера Греции, сегодня Италии) является в настоящее время абсолютным императивом для тех, кто защищает демократию и свободу.

“Момент совранизма”?

Уже более трёх лет мы переживаем “момент совранизма”. Это ненавистное ещё вчера слово сегодня на устах у всех, включая тех, кто, как президент Эммануэль Макрон, не понимают, какой смысл оно в себе заключает. Этот “момент совранизма” является частью большого возвращения наций вследствие неспособности Соединённых Штатов построить устойчивую гегемонию, о чём я утверждал в 2008 г. [Sapir, 2008]. Тем не менее в Европе это движение приобретает особый смысл. Это происходит по той причине, что институты Европейского Союза, которые слишком часто путают с концепцией единой Европы, постепенно попрали как демократию, так и суверенитет.

Более десяти лет назад, а точнее в 2005 г. народы Франции и Нидерландов отвергли на референдумах проект конституционного договора, с большим трудом подготовленный политическими элитами. Эти народы были далеки от того, чтобы отклонить проект по конъюнктурным причинам. Это был именно отказ от проекта и отражал глубинное движение [Sapir, 2006]. С тех пор шаг за шагом мы вторгались в политическую свободу народов и дошли до неслыханного скандала – открытой конфронтации между демократически избранным правительством Греции и европейскими институтами. Следует напомнить, что представлял собой этот скандал. Это было уже не обычное голосование, результаты которого потом были нарушены, поскольку позиция греческого народа, выраженная 25 января 2015 г. на выборах, которые привели к власти СИРИЗА, была подкреплена результатами референдума 5 июля, где меморандуму сказали “нет” почти 62% проголосовавших.

То, что с циничным бесстыдством Жан-Клод Юнкер нарушил своим предложением о программе финансовой помощи Греции, было на самом деле нарушением суверенитета страны. И всё же, когда после выборов в Греции в январе 2015 г. левая радикальная партия СИРИЗА приняла решение о заключении союза с безусловно правой, но разделяющей позиции совранизма партией, а не с лево-центристами (*Потами*) или же даже с социалистами ПАСОК, казалось, что вопрос суверенитета был взят на вооружение руководством СИРИЗА. Течение кризиса показало, что внутри этой партии имелись существенные разногласия. Существование этих противоречий позволило европейским институтам найти рычаги давления, чтобы заставить премьер-министра Алексиса Ципраса отречься от самого себя¹. Это тот урок, который все, кто хочет жить свободными, должны выучить наизусть, урок, который сегодня терзает всех тех, кто стремиться вновь обрести суверенитет.

¹ Sapir J. Capitulation / Blog de Jacques Sapir sur la Russie et l'Europe. 13.07.2015. URL: <http://russeurope.HYPOTHESES.org/?p=4102>.

Вспомним цитату Жан-Клода Юнкера: “Не может быть демократического выбора, который был бы направлен против европейских договоров”. Это разоблачительное заявление произнесено во время греческих выборов 25 января 2015 г., на которых победу одержала СИРИЗА. В нескольких словах здесь выражено всё. Это спокойное и самоудовлетворённое утверждение превосходства институтов, не избранных голосованием избирателей, превосходства технократического принципа над принципом демократическим. Повторяется – сознательно или нет – дискурс Советского Союза в отношении стран Восточной Европы в 1968 г. во время интервенции стран Варшавского договора в Чехословакию. Это знаменитая теория ограниченного суверенитета. Они продолжают намеренно считать страны – члены Европейского Союза колониями или “доминионами”, чей суверенитет подчинялся “метрополии”. Это приводит нас к мысли, что суверенитет – самое ценное, к необходимости сделать выводы, как Стефано Фассина в Италии¹. Необходимо сделать выводы².

Суверенитета недостаточно

Однако одного суверенитета недостаточно. Определять себя в качестве суверенного народа означает немедленно ставить вопрос, что делать и какие решения принимать. Суверенитет эффективен только посредством его исполнения [Schmitt, 1988]. Следовательно, суверенитет не может заменить естественные политические дебаты по вопросам выбора, по вопросам условий принимаемых решений. И очевидно, что по этим позициям будет вестись тяжёлая и серьёзная полемика. И в этом есть смысл. Институты, в рамках которых мы живём, институты, которые многократно менялись, являются продуктом этих конфликтов, иногда отложенных, но иногда полностью не разрешённых [Rosanvallon, 1985].

Демократия включает в себе конфликт, влечёт политическую борьбу и – после борьбы и конфликта – подразумевает компромисс, который сам по себе и является творцом институтов [Bentley, 1949]. Чтобы эти конфликты случались, чтобы происходило противостояние мнений и чтобы мог возникнуть временный компромисс, – необходимо быть свободными. Свободными, естественно, в смысле свободы выражения мнений и манифестаций. Но, более фундаментально, не должно быть ограничений выражения мнения и политического конфликта. Любая попытка превентивно ограничить политический конфликт, придать ему изначально запрограммированное течение была бы сродни направлять водный поток и привела бы, в конце концов, к ограничению выбора и уничтожению демократии [Elster, Slagstad, 1993]. Вот та проблема, которую европейские нормы ставят при обсуждении вопроса о дефиците бюджета и т.п. Да, демократия хрупкая, как высказался Пьер Московиси³. Но не в том смысле, в котором полагает он, а потому что демократия

¹ См. Sapir J. Le texte de FASSINA / Blog de Jacques Sapir sur la Russie et l'Europe. 24.08.2015. URL: <http://russeurope.HYPOTHESES.org/4235>.

² Sapir J. Sur la logique des “fronts” / Blog de Jacques Sapir sur la Russie et l'Europe. 23.08.2015. URL: <http://russeurope.HYPOTHESES.org/4232>.

³ См. его заявление: URL: <https://www.BFMTV.com/politique/Pierre-Moscovici-traite-de-fasciste-l-EURODEPUTE-italien-qui-a-pietine-ses-notes-1552571.html>.

не ограничивается дебатами, насколько бы важными они ни были. Демократия подразумевает принятие решений, которые не могут быть превентивно ограничены. Это то, что содержат в себе общие положения о суверенитете. Вот почему суверенитет является необходимым началом, хотя и недостаточным. Напомним: быть суверенным означает быть способным к решению. В своей работе Карл Шмитт повторял это неоднократно. Вот почему мы должны смело вести диалог по вопросу суверенитета и читать Карла Шмитта [Balakrishnan, 2002; Kervegan, 2011].

Вопрос соотношения решений с правилами и нормами является существенным фактором дебатов о суверенитете. Сказать, что сегодня мы переживаем “момент совранизма”, равносильно тому, чтобы сказать, что установленная в прошлом система правил и норм ведёт к невыносимому принуждению. Так происходило во время других знаменитых дебатов, когда в Соединённых Штатах противостояли сторонники рабства и аболиционисты. Приверженцы “специальной институции” утверждали, что были установлены правила, вынуждающие принять политическое решение. Доходило до того, что они ссылались на принцип собственности, защищая незащищаемое. Но это только разжигало дебаты, делая их ещё более непримиримыми. Стремиться навязать то, что американский автор с большой точностью определил “Gag-Rules”, правила, пользу которых мы можем понять в рамках когнитивных пределов каждого индивида, ведёт только к гражданской войне [Holmes, 1993]. Разумеется, правила и нормы необходимы, хотя бы потому, что невозможно одновременно вести дискуссию обо всём. Понятие насыщения когнитивных способностей индивидов должно быть чётко осознано, если мы не хотим вести наивный дискурс о демократии [Sapir, 2005]. Тем не менее то же самое понятие подразумевает, что такие правила и нормы не могут сохраняться до бесконечности и что они должны стать предметом дискуссии.

Легальность и легитимность

Возрождение этой дискуссии ставит вопрос о различии между легальностью и легитимностью. Имеется в виду, что каждое правило действует не только для условий стабильности, которые оно обеспечивает, но действует также и в отношении условий, в которых оно принималось. Кроме того, правило действует только потому, что его можно оспорить. Это влечёт необходимость различать между легальностью, другими словами, условиями, при которых это правило соблюдается, и легитимностью, другими словами, условиями, в которых правило принималось. Что заставляет индивидов подчиняться правилам и соблюдать нормы? Ни в коем случае это не функциональность правил и норм, хотя она и очевидна. Соблюдение правил включает наличие силовой инстанции, которая делает затруднительным разрыв с этим самым правилом [Spinoza, 1999] в денежном, материальном или даже символическом плане. Поэтому соблюдение правил требует наличие органа власти, то есть сочетание полномочий карать и применять санкции и легитимности делать это. Ставить вопрос о легитимности немедленно приводит нас к вопросу о суверенитете, поскольку без суверенитета нет и не может быть легитимности.

Тем не менее одержимость соблюдением правил, одержимость, которую мы сегодня наблюдаем в дискурсах Еврокомиссии, отсылает нас к двум логикам, различным, но в то же время сходным. Первая базируется на замене политики техникой.

Современная Европа, 2019, №1

Эта тема стара. Ещё Карл Шмитт, Макс Вебер написали восхитительные строки по этому вопросу. Но “технический дискурс” является таковым только внешне. Как правило, этот дискурс рядится в одежды реального техницизма, который в экономике называется эконометрикой [Haavelmo, 1944], настоящая цель которого состоит в том, чтобы закамуфлировать глубоко политическое устремление такого дискурса [Myrdal, 1954] мишурой сложных математических методов [Guerrien, 2007].

То, что эти экономисты представляют в качестве технических соображений и что часто выглядит лишь бледной имитацией физики XIX века [Mirowski, 1989] (в частности, их суждения о монетарной политике), является на самом деле попыткой ограничить формы управления человеком. Этот дискурс некоторых экономистов (мы имеем в виду в основном “неоклассиков”), является главным образом политическим. Но он очень редко заявляет о себе как о таковом. Этот дискурс нацелен на исключение принципа суверенитета, как об этом чётко говорит Роберт Лукас [Lucas, 1972]. Он утверждает, что экономика прекратила своё существование сразу же после возникновения неопределённости [Lucas, 1981]. Это то же самое, как допустить вероятностный характер какой-либо экономики.

По существу, Лукас враждебен всему тому, что может представлять влияние политики, но эта враждебность вытекает по сути дела из политических мотивов. Это отчётливо видно в размышлениях Хайека [Bellamy, 1994]. Итальянский философ Диего Фузаро говорит об этом относительно евро [Fusaro, 2014]. Это не только монета, но форма управления или, точнее, давления на правительства с целью получения от них политической взаимности. Мы можем с ним только согласиться. Но это давление ещё более опасно, поскольку оно скрывается за притязаниями на так называемую экономическую рациональность.

Однако одержимость правилами касается и ещё одной патологии. Анализ случаев, предложенных в работе Дэвида Дайзенхауса “Установление права”, содержит критику позитивизма. Это существенно, поскольку помогает понять, как одержимое отношение к Rule of Law (то есть формальной легальности) и точность соответствия тексту часто играют на руку государственной и надгосударственной политике. Многократно этот автор ссылается на собственный анализ извращённости юридической системы апартеида [Dyzenhaus, 1991], напоминая, что эта унижительная судебная практика была в меньшей степени связана с расистскими убеждениями южно-африканских судей, чем с их “позитивизмом” [Dyzenhaus, 2006]. В принципе, такой позитивизм представляет попытку преодоления дуализма (о чём говорит Шмитт) между нормой и исключением. Но мы прекрасно видим, что это несостоятельная и поверхностная попытка. Мы как бы останавливаемся на полпути и приходим, в этом смысле, к результатам намного худшим, чем откровенно шмиттовские позиции (как, например, позиция Карла Иоахима Фридриха [Friedrich, 1963]). Из-за половинчатости позитивизм терпит неудачу, поскольку не воспринимает достаточно серьёзно исключение. Он продолжает рассматривать содержание в заключении и отступление от закона как абсолютно “легальные” действия, конкретизируя более общие нормы и руководствуясь ими. Следовательно, следуя путём Дэвида Дайзенхауса, можно считать, что власть исключения содержится во власти, которой располагают все граждане и в первую очередь правительство: во власти принимать меры, обеспечивающие как можно более быстрый возврат к нормальной ситуации. Хотя такое и бывает, но эта власть не уклоняется от Rule of

Law, поскольку после снятия тревожных симптомов властные органы и индивиды должны быть способны показать, что действовали в соответствии с суровой необходимостью.

* * *

Таким образом, тема суверенитета глубоко проникает в смысл дебатов, проходящих в настоящее время между итальянским правительством и Еврокомиссией. Это не дискуссии о цифрах и процентах. Это фундаментальная дискуссия для определения, в каком обществе мы хотим жить.

Тема суверенитета логически подводит к вопросу о демократии, а также к соотношению между *легальностью* и *легитимностью*. И поэтому имеет фундаментальное значение для будущего нашего общества.

References

- Balakrishnan G. (2002) *The Enemy. An Intellectual Portrait of Carl Schmitt*, Verso Books, New York.
- Bellamy R. (1994) "Dethroning Politics": Liberalism, Constitutionalism and Democracy in the Thought of F.A. Hayek, *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4., pp. 419–441.
- Bellamy R. (2010) Dirty Hands and Clean Gloves: Liberal Ideals and Real Politics, *European Journal of Political Theory*, vol. 9(4), pp. 412–430.
- Bentley A. (1949) *The Process of Government. A Study of Social Pressures*, The Principia Press, Inc., Indiana.
- Bretone M. (2016) *Histoire du droit romain*, Editions Delga, Paris.
- Brustier G. (2018) "En souhaitant instaurer une 'souveraineté européenne', Macron se trompe de problème / Slate. 02.07.2018", available at: <http://www.slate.fr/story/163862/souverainete-europeenne-emmanuel-macron-probleme-legitimite-elitaire>.
- Cicero (1980) *La République*, Tome 1, Les Belles Lettres, Paris.
- Dyzenhaus D. (1991) *Hard Cases in Wicked Legal Systems: South African Law in the Perspective of Legal Philosophy*, Clarendon Press, Oxford.
- Dyzenhaus D. (2006) *The Constitution of Law. Legality in a Time of Emergency*, Cambridge University Press, UK.
- Elster J. and Slagstad R. (eds.) (1993) *Constitutionalism and Democracy*, Cambridge University Press, UK.
- Evans-Pritchard A. (2015) "European 'alliance of national liberation fronts' emerges to avenge Greek defeat / The Telegraph. 29.07.2015", available at: <https://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11768134/European-alliance-of-national-liberation-fronts-emerges-to-avenge-Greek-defeat.html>.
- François J.-B. (2018) "Macron et l'Europe: instaurer une 'souveraineté européenne' / La Croix. 03.05.2018", available at: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Macron-lEurope-instaurer-souverainete-europeenne-2018-05-03-1200936391>.
- Friedrich C.J. (1963) *Man and His government: an Empirical Theory of Politics*, McGraw-Hill Book Company, Inc., New York.
- Fusaro D. (2014) *Il futuro è nostro. Filosofia dell'azione*, Bompiani, Milano.
- Guerrien B. (2007) *L'illusion économique*, Omniscience, Mouans-Sartoux.
- Haavelmo T. (1944) *The Probability Approach in Econometrics. Supplement to Econometrica*, Volume 12, July, The Econometric Society, University of Chicago.
- Holmes S. (1993) "Gag-rules or the politics of omission" in: Elster J., Slagstad R. (eds.), *Constitutionalism and Democracy*, Cambridge University Press, UK, pp. 19–58.
- Jefferson T. (1832) *Notes on the state of Virginia*, Lilly and Wait, Boston.

- Kervegan J.-F. (2011) *Que faire de Carl Schmitt?* Gallimard, Paris.
- Lucas R.E., Jr. (1972) Expectations and the Neutrality of Money, *Journal of Economic Theory*, vol. 4, no. 2, pp. 103–124.
- Lucas R.E., Jr. (1981) *Studies in Business-Cycle Theory*, MIT Press, MA.
- Ministero dell'Economia e delle Finanze. Bilancio Aperto (2018) Available at: http://www.rgs.mef.gov.it/VERSIONE-I/news/Ispettorati/2018/news_16_novembre_2018/index.html.
- Mirowski P. (1989) *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics (Historical Perspectives on Modern Economics)*, Cambridge University Press, UK.
- Moatti C. (2018) *Res publica. Histoire romaine de la chose publique*, Fayard, Paris.
- Myrdal G. (1954) *The Political Element in the Development of Economic Theory*, Harvard University Press, MA.
- New Europe (2018) "Will Italy destroy the Eurozone?", available at: <https://www.NewEurope.eu/article/will-Italy-Destroy-The-Eurozone-2>.
- Pani M. (1997) *La politica in Roma Antica. Cultura e Prassi*, Carocci, Roma.
- Rosanvallon P. (1985) *Le Moment Guizot*, Gallimard, Paris.
- Sapir J. (2005) *Quelle économie pour le XXIe siècle?*, Odile Jacob, Paris.
- Sapir J. (2006) *La Fin de l'eurolibéralisme*, Le Seuil, Paris.
- Sapir J. (2008) *Le nouveau XXIe siècle, du siècle américain au retour des nations*, Le Seuil, Paris.
- Schmitt C. (1988) *Theologie politique*, Gallimard, Paris.
- Schmitt C. (2004) *Legality and Legitimacy*, Duke University Press, UK.
- Spinoza B. (1999) *Traité théologico-politique*, PUF, Paris.
- Valeurs Actuelles (2018) "Budget italien: Mélenchon prend le parti de Salvini", available at: <https://www.valeursactuelles.com/politique/Budget-italien-melenchon-prend-le-parti-de-Salvini-100250>.
- Wiseman T.P. (2010) "The Two Headed State: How Romans Explained Civil War", in: Breed B.W., Damon C., Rossi A. (eds.) *Citizens of Discord. Rome and Its Civil Wars*, Oxford University Press, UK, pp. 25–44.

Debates on the Italian Budget and the Question of Sovereignty

Author: Sapir J., Director of the Center for the Research of the Industrialization, Researcher of the High School of the Social Sciences (EHESS) in Paris, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences.
Address: 54 Bd Raspail, 75006 Paris, France. **E-mail:** sapir@msh-paris.fr

Abstract. The article deals with the conflict between Italy and the European Commission on the question of the Italian budget. The author states that behind the deficit level, whether permitted to the Italian government or not, there is a question of whether Italy remains a sovereign nation. That's not only a question of the validity of that decision. That also explains the fact that all parties (also France Insoumise) supported the Italian government because sovereignty is one of the bases of the policy. Thus the question of sovereignty is the key point in this conflict. Nowadays aspiration of peoples to the sovereignty appears in different countries and in various forms. However the sovereignty is called into question due to the practice of the European Union. The sovereignty logically leads to the problem of democracy and relations between legality and legitimacy. A conclusion was made that the of the sovereignty problem resolution has a fundamental significance for the future of all our society.

Key words: Italy, budget, fiscal policy, Salvini, populism, sovereignty.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120196069>

Перевод выполнил Н.Н. Иванов.